

ПЛУТАРХ

ЛИКУРГ

Перевод С.С.Аверинцева

I. В общем, ни один из рассказов о законодателе Ликурге не заслуживает полного доверия. О его происхождении, путешествиях, смерти, наконец, о его законах и политической деятельности существуют разноречивые показания; но в особенности мало сходства в рассказах о времени его жизни.

Одни считают его современником Ифита, принимавшим вместе с последним участие в установлении перемирия на время Олимпийских игр, — мнение, разделяемое и философом Аристотелем, который ссылается на надпись на диске в Олимпии, где упоминается имя Ликурга. Другие, придерживаясь при хронологических вычислениях списков династии древних спартанских царей, например, Эратосфен и Аполлодор, говорят, что он жил незадолго до первой олимпиады. Тимей принимает двух Ликургов, живших в Спарте в разное время, — одному из них предание приписывает то, что сделано обоими. Старший из них был почти современником Гомера, или, как утверждают некоторые, даже лично знал Гомера. К древнему времени относит его жизнь и Ксенофонт, называя его несколько раз современником Гераклидов. Но, вероятно, под "Гераклидами" он понимал древнейших царей, ближайших родственников Геракла, так как "Гераклидами" назывались и позднейшие спартанские цари.

Ввиду сбивчивости показаний историков мы постараемся описать жизнь Ликурга на основании тех данных, которые всего менее противоречат друг другу, и рассказов лиц, заслуживающих полного доверия.

Поэт Симонид называет, например, отцом Ликурга не Эвнома. По его словам, Ликург и Эвном были сыновьями Пританида. Большинство, однако, приводит другую родословную: если верить им, Прокл, сын Аристодема, был отцом Соя. Сой имел сына Эврипонта, последний — Пританида, этот — Эвнома, Эвном, от первой жены, — Полидекта, от второй, Дионассы, — Ликурга. Таким образом, по историку Диевтихиду, Ликург является потомком Прокла в шестом колене и Геракла в одиннадцатом.

II. Из его предков самым знаменитым был Сой, в царствование которого спартанцы обратили илотов в рабство и присоединили к своим владениям значительную часть Аркадии. Говорят, Сой, окруженный однажды клиторцами в неудобной для сражения и безводной местности, предложил им заключить мир и возратить завоеванную у них землю, если они позволят ему и всему его войску напиться из ближайшего источника. Мир был заключен под клятвою. Тогда он собрал свое войско и обещал отдать престол тому, кто не станет пить. Но никто не мог побороть себя, все утолили жажду, только один царь, спустившись вниз на глазах всех, лишь плеснул на себя водой в присутствии неприятелей. Он отступил, но не вернул завоеванной им земли, ссылаясь на то, что "не все пили".

Несмотря на все уважение к нему за его подвиги, его род называли не его именем, а Эври-

понтами, по имени его сына, — вероятно, Эврипонт, заискивая у народа, желая приобрести любовь черни, поступился частью своих прав неограниченного монарха. Вследствие этих послаблений народ поднял голову. Следующие затем цари были или ненавидимы народом за свою строгость по отношению к нему, или становились предметом насмешек за свою уступчивость и слабохарактерность, поэтому в Спарте долго царили безначалие и смуты, жертвами которых пал и царь, отец Ликурга. Желая разнять драку, он был ранен кухонным ножом и умер, оставив престол своему старшему сыну, Полидекту.

III. Когда вскоре скончался и Полидект, все считали законным наследником престола Ликурга, и, действительно, он правил государством, пока ему не сказали, что его невестка беременна. Узнав об этом, он объявил, что, если новорожденный окажется мальчиком, он передаст престол ему, лично же будет управлять государством в качестве опекуна. Опекунов сирот-царей спартанцы называли "продиками".

Между тем вдовствующая царица завела с ним тайные сношения и говорила, что готова вытравить свой плод, чтобы выйти замуж за него, когда он будет царем. Ликург ужаснулся ее жестокости, но не ответил отказом на ее предложение, сказал, что он в восторге от него, ничего против него не имеет, только советует ей не вытравлять плода, беречь себя, не губить своего здоровья приемом сильнодействующих средств и объявил, что постарается убить ребенка тотчас же после его рождения. Таким образом, ему удалось обмануть царицу, пока ей не пришлось время разрешиться от бремени. Когда он заметил, что роды близки, он отправил во дворец нескольких человек, в качестве свидетелей разрешения ее от бремени, а также для надзора за ней, приказав им в случае рождения девочки передать ее женщинам, мальчика принести к нему, что бы он ни делал. Царица родила. В это время он сидел за обедом вместе с высшими сановниками. Рабы явились к нему с малюткой на руках. Он взял его и обратился к присутствующим со словами: "Вот, спартанцы, ваш царь!". Он положил его на трон и назвал Харилаем, так как все радовались и приходили в восторг от его великодушия и справедливости. Ликург царствовал всего восемь месяцев, но успел заслужить глубокое уважение от своих сограждан. Ему повиновались не только по одному тому, что он был царским опекуном и имел в руках верховную власть, большинство охотно исполняло его приказания, слушалось его, из уважения к его нравственным качествам. Но у него были и завистники, старавшиеся помешать успехам молодого человека, главным образом родня и приближенные матери-царицы, считавшей себя оскорбленной. Брат ее, Леонид, позволил себе однажды кровно обидеть его, сказав, между прочим, что он отлично понимает, что рано ли, поздно ли, только Ликург будет царем, желая этим навлечь подозрение на Ликурга и заранее оклеветать его, как заговорщика, если с царем случится какое-либо несчастье. Подобного рода

слухи распускала и царица. Глубоко оскорбленный и не желавший подвергаться случайностям, Ликург решил покинуть родину, отклонить от себя подозрения и пробыть в путешествии до тех пор, пока его племянник подрастет и будет иметь себе наследника.

IV. Уехав, он прежде всего посетил Крит. Изучая его государственное устройство и беседуя здесь с самыми известными из граждан, он хвалил некоторые из их законов и обращал на них внимание, чтобы перенести их и ввести в употребление у себя в отечестве, но некоторые не считал заслуживающими этого. Он очаровал своим любезным и дружеским обращением и уговорил переселиться в Спарту одного из уважаемых за свой ум и государственную мудрость островитян – Фалета. Он слыл лирическим поэтом, на деле же преследовал те же цели, которые преследовали лучшие из законодателей. В своих стихотворениях он желал пробудить любовь к порядку и согласию. Их мелодия притом много способствовала к установлению порядка и прекращению раздоров. Слушавшие их незаметно для себя смягчали свои нравы; в их сердца глубоко западало стремление к прекрасному взамен царившей до этого между ними вражды, так что этот человек в известной степени указал Ликургу путь для воспитания его народа.

Из Крита Ликург поплыл к берегам Азии. Он желал, говорят, сравнить простоту и суровость образа жизни критян с роскошью и изнеженностью ионийцев – как врач сравнивает хилое и болезненное тело со здоровым – и, таким образом, увидеть разницу между их образом жизни и государственным устройством. Здесь он, вероятно, в первый раз узнал о существовании поэм Гомера, которые хранились у потомков Креофила. Он заметил, что между местами, чтение которых может доставить удовольствие, приятное развлечение, есть такие, которые заслуживают не меньшего внимания благодаря заключающимся в них правилам политики и нравственности, поэтому охотно списал их и собрал, чтобы привезти домой. Об этих поэмах греки имели уже смутные представления. У небольшого числа лиц были отрывки из них, между тем как сами поэмы переходили из уст в уста в не имевших между собою связи отрывках. Ликург был первым, кому мы обязаны знакомству с ними в их полном виде.

Египтяне уверяют, что Ликург был и у них и что ему в особенности понравились существовавшие у них обособленные касты воинов, вследствие чего он ввел то же и в Спарте и, образовав отдельное сословие ремесленников и мастеровых, явился основателем класса настоящих, чистых граждан. С египтянами согласны и некоторые греческие писатели; но, насколько мне известно, только один спартанец, Аристократ, сын Гиппарха, утверждает, что Ликург был на севере Африки и в Испании, а также, что он путешествовал по Индии, где будто бы разговаривал с гимнософистами.

V. Между тем спартанцы жалели об отъезде Ликурга и не раз приглашали его вернуться. Они говорили, что их нынешние цари отличаются от подданных только титулом и тем почетом, которым они окружены, в то время как он создан для того, чтобы властвовать и обладать способностью оказывать на

других нравственное влияние. Впрочем, и сами цари были не против его возвращения, – они надеялись с его помощью сдержать наглость толпы. Он вернулся и немедленно приступил к преобразованию существующего порядка, к коренным реформам государственного устройства, – по его мнению, отдельные законы не могли иметь ни успеха, ни пользы; как у человека больного, страдающего притом различными болезнями, следует совершенно выгнать болезнь смесью лекарств со слабительным и предписать ему новый образ жизни.

С этой целью он прежде всего отправился в Дельфы. Принесши богу жертву, он спросил его и вернулся домой с тем известным оракулом, где пифия назвала его "любимцем богов" и скорее "богом, нежели человеком". Когда он просил дать ему "лучшие" законы, она отвечала, что бог обещает ему, что лучше его законов не будет иметь ни одно государство.

Этот ответ ободрил его, и он обратился к самым влиятельным гражданам с просьбою оказать ему поддержку. Но прежде всего он открылся своим друзьям, затем постепенно привлек на свою сторону еще большее число граждан и склонил их принять участие в его планах. Выбрав удобное время, он приказал тридцати аристократам явиться вооруженными утром на площадь, желая напугать, навести страх на своих противников, если бы такие оказались. Гермипп сохранил имена двадцати самых знатных из них; но самым ревностным помощником Ликурга в деле составления новых законов был Артмиад. В самом начале этой суматохи царь Харилай убежал в храм Афины Меднодомной – он испугался, что все случившееся является заговором против него, – но затем склонился на увещания, взял с граждан клятву, вышел и принял участие в преобразованиях. Он был слабохарактерен. Говорят, например, другой его товарищ по престолу, Архелай, сказал хвалившим молодого царя: "Разве Харилая можно назвать дурным человеком, если он не сердится даже на негодяев".

Из многих преобразований, введенных Ликургом, первым и самым важным было учреждение им Совета старейшин (герусии), который, сдерживая в известных границах царскую власть и в то же время пользуясь одинаковым с нею числом голосов при решении важнейших вопросов, служил, по выражению Платона, и якорем спасения, и доставлял государству внутренний мир. До сих пор оно не имело под собою прочной почвы, – то усиливалась власть царя, переходившая в деспотизм, то власть народа в форме демократии. Власть старейшин (геронтов) была поставлена в середине и как бы уравновешивала их, обеспечивая полный порядок и его прочность. Двадцать восемь старейшин становились на сторону царя во всех тех случаях, когда следовало дать отпор демократическим стремлениям. С другой стороны, они в случае необходимости оказывали поддержку народу в его борьбе с деспотизмом. По словам Аристотеля, число старейшин было такое потому, что из прежних тридцати сообщников Ликурга двое отказались участвовать в его предприятии из страха. Сфер, напротив, говорит, что число сообщников Ликурга было то же, что сначала, – быть может, потому, что

число это четное, получаемое от умножения семи на четыре, и так же, как и шесть, равно сумме своих делителей. На мой же взгляд, старейшин было столько для того, чтобы вместе с двумя царями их было в общем тридцать человек.

VI. Ликург считал это учреждение настолько важным, что послал в Дельфы спросить о нем оракула и получил от него следующий ответ, так называемую ретру: "Выстрой храм Зевсу-Гелланию и Афине-Геллании, раздели народ на филы и обы, учреди совет из тридцати членов, вместе с вождями, и пусть время от времени народ собирается между Бабиной и Кнакионом. Предлагать законы и собирать голоса должен ты, окончательное же решение должно принадлежать народу". Учредить "филы" и "обы" значит разделить народ на мелкие единицы, которые оракул назвал "филами", другие – "обами". Под вождями следует понимать царей. "Созывать Народное собрание" выражено словом "апелладзеин" – по мнению Ликурга, первым внушил ему мысль издать законы Аполлон Дельфийский. Бабица и Кнакион называются в настоящее время Энунтом. Аристотель говорит, что Кнакион – река, Бабица – мост. Между двумя этими пунктами происходили в Спарте народные собрания. Ни портика, ни другого какого-либо здания там не было: по мнению Ликурга, это не только не делало присутствующих умнее, но даже вредило им, давая им повод болтать, хвастаться и развлекаться пустяками, когда они во время Народного собрания станут любоваться статуями, картинами, театральными портиками или роскошно украшенным потолком здания Совета. В Народных собраниях никто не имел права высказывать своего мнения. Народ мог только принимать или отвергать предложения геронтов и царей. Впоследствии, когда народ стал искажать, извращать предложения, вносившиеся на его обсуждение, сокращая или дополняя их, цари Полидор и Теопомп в прежней ретре сделали следующую прибавку: "Если народ постановит дурно, царям и старейшинам уйти", другими словами, они не должны были утверждать его решений, а вообще распустить собрание, объявить закрытым, так как оно приносило вред, искажая и извращая их предложения. Им даже удалось убедить граждан, что так приказал оракул. Об этом говорит следующее место из Тиртея:

Те, кто в пещере Пифона услышали
Феба реченье,
Мудрое слово богов
в дом свой родной принесли:
Пусть в Совете цари,
которых боги почтили,
Первыми будут; пускай
милую Спарту хранят
С ними советники-старцы,
за ними – мужи из народа,
Те, что должны отвечать
речью прямой на вопрос.

VII. Несмотря на то, что Ликург не передал государственной власти в одни руки, олигархия в чистом ее виде все еще продолжала заявлять о себе, поэтому его преемники, замечая, что она переступает предел возможного и становится невыносимой, уч-

редили для обуздания ее, как выражается Платон, должность эфоров. Первыми эфорами, при царе Теопомпе, были Элат и его товарищи, что имело место спустя около ста тридцати лет после Ликурга. Говорят, жена Теопомпа упрекала его за то, что он передает своим детям меньшую власть, чем он получил сам. "Да, меньшую, – отвечал царь, – зато более прочную". Действительно, потеряв то, что для них было лишним, спартанские цари избегли зависти, грозившей им опасностью. Им не пришлось испытать того, что пришлось испытать царям мессенским и аргосским со стороны их подданных, когда они не пожелали поступиться чем-либо из своих прав в пользу демократии. Ум и прозорливость Ликурга делаются вполне понятными тогда только, если обратит внимание на те смуты и ссоры, которые происходили у единоплеменников и соседей спартанцев – мессенцев и аргосцев. Им достались сначала по жребию даже лучшие участки в сравнении со спартанцами; но счастье их продолжалось недолго. Своеволие царей и неповиновение народа положили конец существовавшему порядку вещей и дали возможность убедиться, что законодатель спартанцев, поставивший каждой власти свои пределы, был для них истинным даром неба, ниспосланным для их счастья. Но об этом речь впереди.

VIII. Вторым из преобразований Ликурга, и самым смелым из них, было деление им земель. Неравенство состояний было ужасное: масса нищих и бедняков угрожали опасностью государству, между тем как богатство было в руках немногих. Желая уничтожить гордость, зависть, преступления, роскошь и две самые старые и опасные болезни государственного тела – богатство и бедность, он убедил сограждан отказаться от владения землею в пользу государства, сделать новый ее раздел и жить всем на равных условиях, так чтобы никто не был выше другого, отдавая пальму первенства одним нравственным качествам. Неравенство, различие одного от другого должно было выражаться только в порицании за дурное и похвале за хорошее. Приводя свой план в исполнение, он разделил всю остальную Лаконию на тридцать тысяч земельных участков для жителей окрестностей Спарты, периэков и на девять тысяч – округ самой Спарты: столько именно было спартанцев, получивших земельный надел. Некоторые говорят, что Ликург выделил только шесть тысяч участков и что три тысячи остальных прибавлены позже, Полидором, другие же – что из девяти тысяч участков половину роздал он, половину – Ликург. Каждый участок мог давать ежегодно семьдесят медимнов ячменя для мужчины и двенадцать – для женщины, кроме того, некоторое количество вина и масла, чего, по мнению Ликурга, было достаточно, чтобы прожить не боля, в добром здоровье, и не нуждаясь ни в чем другом. Говорят, когда он возвращался потом домой и проходил по Лаконии, где только что кончилась жатва, он увидел ряды снопов одинаковой величины и сказал с улыбкой, обращаясь к своим спутникам, что вся Лакония кажется ему наследством, которое только разделили поровну многие братья.

IX. Чтобы окончательно уничтожить всякое неравенство и несоразмерность, он желал разделить движимое имущество, но, видя, что собственнику будет тяжело лишиться своей собственности прямо, пошел окольным путем и сумел обмануть своими распоряжениями корыстолюбивых людей. Прежде всего, он изъял из обращения всю золотую и серебряную монету, приказав употреблять одну железную, но и она была так тяжела, так массивна при малой своей стоимости, что для сбережения дома десяти мин нужно было строить большую кладовую и перевозить их на телеге. Благодаря такой монете в Лаконии исчезло много преступлений: кто решился бы воровать, брать взятку, отнимать деньги другого или грабить, раз нельзя было скрыть своей добычи, которая к тому же не представляла ничего завидного и которая даже разбитою в куски не годилась ни на что? Говорят, Ликург велел опускать раскаленное железо в уксус. Этим он лишал его твердости, делал ни на что негодным, бесполезным по своей хрупкости для выделки из него каких-либо вещей. Затем Ликург изгнал из Спарты все бесполезные, лишние ремесла. Впрочем, если б даже он не изгонял их, большая часть из них все равно исчезла бы сама собою вместе с введением новой монеты, так как их вещи не нашли бы себе сбыта, – железные деньги не ходили в других греческих государствах; за них ничего не давали и смеялись над ними, вследствие чего на них нельзя было купить себе ни заграничных товаров, ни предметов роскоши. По той же причине чужеземные корабли не заходили в спартанские гавани. В Спарту не являлись ни ораторы, ни содержатели гетер, ни мастера золотых или серебряных дел, – там не было денег. Таким образом, роскошь, не имея больше того, что могло поддерживать ее, давать ей средства к существованию, постепенно исчезла сама собой. Богач не имел никакого преимущества перед бедным, так как богатством нельзя было похвастаться публично – его следовало хранить дома, где оно было мертвым грузом. Поэтому все предметы первой необходимости – кровати, стулья, столы – спартанской работы считались далеко лучше других. В особенности славился спартанский котон, очень удобный, как говорит Критий, в походе, так как из него приходилось пить по необходимости иногда воду, – он скрывал ее неприятный цвет, а так как вогнутые края задерживали грязь, то вода, которую приходилось пить, была чистою. За все это следует благодарить законодателя. Ремесленники, работавшие прежде предметы роскоши, должны были употреблять с тех пор свой талант на изготовление предметов первой необходимости.

X. С целью еще более стеснить роскошь и окончательно уничтожить чувство корысти Ликург установил третье, во всех отношениях прекрасное, учреждение, совместные трапезы, сисситии, – для того, чтобы граждане сходились обедать за общий стол и ели мясные или мучные кушанья, предписанные законом. Они не имели права обедать дома, развалившись на дорогих ложах за дорогими столами, они не должны были заставлять своих отличных поваров откармливать себя в темноте, как прожорливых животных, вредя этим и душе, и телу, предава-

ясь всякого рода порочным наклонностям и излишествам, долговому сну, беря теплые ванны, ничего решительно не делая, словом, нуждаясь ежедневно в уходе, как больные. Одно это было важно, но еще важнее было то, что богатство, выражаясь словами Теофраста, не было ни на что годно, было не богатством – вследствие учреждения общего стола и простой пищи. Им нельзя было пользоваться, оно не могло доставлять чувства радости, словом, нельзя было ни показать множества своей драгоценной посуды, ни похвастаться ею, раз бедняк шел на один обед с богачом. Вот почему в целом мире в одной Спарте находила себе подтверждение поговорка, что "бог богатства слеп и лежит без жизни и движения", как на картине. Точно так же запрещено было являться на сисситии сытыми, пообедав дома. Остальные присутствующие строго наблюдали за тем, кто не пил и не ел вместе с другими, и обзывали неженкой спартанца, которому общий стол казался грубым.

XI. Говорят, этот обычай главным образом и восстановил против Ликурга богатых. Они окружили его толпой и стали громко ругать его. Наконец, многие из них начали кидать на него камнями, вследствие чего ему пришлось бежать с площади. Он опередил своих преследователей и скрылся в храм. Только один молодой человек, Алкандр, не глупый, но горячий и вспыльчивый, гнался за ним, не отставая, и, когда Ликург обернулся, ударил его палкой и вышиб ему глаз. Этот несчастный случай не заставил Ликурга пасть духом, – он обернулся и показал гражданам свое окровавленное лицо и изуродованный глаз. При виде этого их охватило чувство глубокого стыда и смущения, и они выдали Алкандра Ликургу, которого проводили до самого дома, выражая ему чувства соболезнования. Ликург поблагодарил их и простился с ними, Алкандра же привел к себе домой. Он ему не сделал, не сказал ничего дурного и только заставил его прислуживать вместо тех людей и рабов, которые служили ему обыкновенно. Молодой человек, оказавшийся не лишенным благородного чувства, молча исполнял даваемые ему приказания. Находясь постоянно в обществе Ликурга, он видел, как он кроток, видел, что его душа чужда страстей, видел его строгую жизнь, его горячую любовь к труду – и всей душой привязался к нему, причем говорил своим знакомым и друзьям, что Ликург нисколько не суров или горд, – напротив, он единственный в своем роде человек, который так ласков и снисходителен в отношении окружающих. Вот как наказан был Алкандр! Но это наказание сделало его из дурного, дерзкого молодого человека вполне приличным и рассудительным. В память своего несчастья Ликург построил храм Афине-Оптилетиде: спартанские дорийцы называют глаз – "оптилос". Некоторые, однако, между прочим Диоскорид, автор сочинения о государственном устройстве Спарты, говорит, что действительно Ликург был ранен, но не лишился глаза, напротив, выстроил богине храм в благодарность за исцеление. Как бы то ни было, но после этого печального случая спартанцы перестали ходить на народные собрания с палками.

XII. Сисситии называются на Крите "андриями", у спартанцев – "фидитиями", быть может, потому, что участники их были дружны между собою и любили один другого, – значит, в данном случае "лямбда" заменена "дельтой" – или же вследствие того, что фидитии приучали к умеренности и бережливости. В то же время можно предположить, что первый слог этого слова, по мнению некоторых – приставка и что следовало говорить, собственно, "эдитии", от слова "эдодэ" – пища.

За стол садилось всякий раз человек пятнадцать, иногда больше, иногда меньше. Каждый из сисситов приносил ежемесячно медимн ячменя, восемь хоев вина, пять мин сыру, две с половиной мины винных ягод и затем немного денег для покупки другой провизии. Кроме того, каждый принесший жертву посылал в сисситии лучшую ее часть. Охотники посылали также часть дичи. Кто опаздывал из-за жертвоприношения или охоты, мог обедать дома; но другие должны были быть налицо. Спартанцы долгое время свято держались обычая обедать вместе. Когда, например, царь Агид, вернувшийся из удачного похода против Аттики, хотел отобедать вместе с женою и послал за своею порцией, полемархи непустили ее. На следующий день рассерженный царь не принес назначенной по закону жертвы и должен был заплатить штраф.

На сисситии часто ходили и дети. Их водили туда как в школу для развития ума. Здесь они слушали разговоры о политике и видели пред собой наставников в лучшем смысле этого слова. Сами они учились шуткам и насмешкам, никогда не оскорбляя. Их приучали и самих переносить шутки, не обижаясь на других. Хладнокровно относиться к шуткам считалось большою честью для спартанца. Кто не желал, чтобы над ним смеялись, должен был попросить другого перестать, и насмешник переставал. Старший из сисситов показывал каждому новому посетителю на дверь и говорил: "За эту дверь не должно выйти ни одно слово!". Каждый желавший сделаться членом сисситии должен был, говорят, подвергнуться следующего рода испытанию. Всякий из сисситов брал в руку шарик из хлеба и молча кидал его, словно камешек при голосовании, в чашку, которую раб нес на голове и обходил присутствующих. Кто подавал голос за избрание, просто бросал шарик, но кто желал сказать "нет", – предварительно сильно сдавливал его в руке. Раздавленный шарик значил то же, что просверленный камешек при голосовании. Если таких находили хоть один, просившему о своем избрании отказывали в его просьбе, желая, чтобы все члены сисситии нравились друг другу. Кому отказывали в избрании, называли "каддированным", – чашу, в которую бросают шарики, зовут "каддиком".

Самым любимым кушаньем сисситов была "черная похлебка", так что старики отказывались от мяса, отдавая свою долю молодым, а сами наливали себе свое кушанье, похлебку. Говорят, один понтийский царь купил даже себе спартанского повара исключительно для приготовления "черной похлебки", но, когда попробовал ее, рассердился. "Царь, – сказал повар, – прежде чем есть эту похлебку, нужно выкупаться в Эвротелю!". Пили сисситы не много и без огня

возвращались домой. Идти по улице с огнем им строго запрещалось, как в этом, так и в других случаях, для того, чтобы они приучились ходить ночью смело, ничего не боясь. Вот каких порядков придерживались спартанцы в своих общих столах.

XIII. Законы Ликурга не были писаными, в чем убеждает нас одна из его "ретр". Все, что, по его мнению, вполне необходимо и важно для счастья и нравственного совершенства граждан, должно войти в самые их нравы и образ жизни, чтобы остаться в них навсегда, сжиться с ними. Добрая воля в его глазах делала этот союз крепче, нежели принуждение, а эту волю образовывало в молодых людях воспитание, которое делало каждого из них законодателем. Что же касается мелочей, например, денежных дел, – того, что изменяется, смотря по обстоятельствам, – он и их счел за лучшее не заключать в рамки писаных законов и неизменных правил, но дал право делать в них прибавления или убавления, смотря по обстоятельствам и мнению умных людей. Вообще все заботы его как законодателя были обращены на воспитание.

Одна из его "ретр", как сказано выше, запрещала иметь письменные законы, другая была направлена против роскоши. Крыша в каждом доме могла быть сделана только одним топором, двери – одной пилою; пользоваться другими инструментами запрещалось. Позже Эпаминонд, сидя за своим столом, сказал, говорят, что "за таким обедом не придет в голову мысли об измене", – Ликург первый понял, что в таком доме не может жить ни изнеженный, ни привыкший к роскоши человек. Действительно, ни в ком не может быть так мало вкуса и ума, чтобы он приказал, например, внести в простую хижину кровати с серебряными ножками, пурпуровые ковры, золотые кубки и другие предметы роскоши. Напротив, каждый должен стараться о том, чтобы между его домом и кроватью, затем между кроватью и платьем, платьем и остальною обстановкою и хозяйством было соответствие, чтобы они отвечали одно другому. Этой привычкой и объясняется выражение Леотихида Старшего, который, любуясь за обедом в Коринфе роскошно отделанным штучным потолком, спросил хозяина, неужели у них растут деревья квадратной формы?

Известна также третья "ретра" Ликурга, где он запрещает вести войну с одними и теми же неприятелями, чтобы, привыкнув оказывать сопротивление, они не сделались воинственными. Позже за то именно всего больше и порицали царя Агесилая, что он своими частыми, неоднократными вторжениями и походами в Беотию сделал фиванцев достойными противниками Спарты. Поэтому, видя его раненым, Анталкид сказал: "Фиванцы прекрасно платят тебе за уроки. Они не хотели и не умели драться, но ты их выучил!" "Ретрами" Ликург назвал свои постановления для того, чтобы убедить всех, что они даны орაკулом, являются его ответами.

XIV. Считаая воспитание высшею и лучшею задачей для законодателя, он приступил к осуществлению своих планов издаека и прежде всего обратил внимание на брак и рождение детей. Аристотель ошибается, говоря, что он желал дать разумное вос-

питание и женщинам, но отказался от этого, оказавшись не в состоянии бороться с слишком большой волей, которую забрали себе женщины, и их властью над мужьями. Последним приходилось вследствие частых походов, оставлять на их руки весь дом и на этом основании слушаться их, переходя всякую меру, и даже называть их "госпожами". Но Ликург оказал должное внимание и женскому полу. Девушки должны были для укрепления тела бегать, бороться, бросать диск, кидать копья, чтобы их будущие дети были крепки телом в самом чреве их здоровой матери, чтобы их развитие было правильно и чтобы сами матери могли разрешаться от бремени удачно и легко благодаря крепости своего тела. Он запретил им баловать себя, сидеть дома и вести изнеженный образ жизни. Они, как и мальчики, должны были являться во время торжественных процессий и плясать и петь на некоторых праздниках в присутствии и на виду у молодых людей. Они имели право смеяться над кем угодно, ловко пользуясь его ошибкой, с другой стороны, прославлять в песнях тех, кто того заслуживал, и возбуждать в молодежи горячее соревнование и честолюбие. Кого они хвалили за его нравственные качества, кого прославляли девушки, тот уходил домой в восторге от похвал, зато насмешки, хотя бы и сказанные в шутливой, не оскорбительной форме, язвили его так же больно, как строгий выговор, так как на праздниках вместе с простыми гражданами присутствовали цари и старейшины. Девушки были по-прежнему стыдливы и далеки от соблазна, напротив, они приучались к простоте. Кроме того, женщине внушался благородный образ мыслей, сознание, что и она может приобщиться к доблести и почету. Вот почему они могли говорить и думать так, как то рассказывают о жене Леонида, Горго. Одна женщина, вероятно, иностранка, сказала ей: "Одни вы, спартанки, делаете, что хотите, со своими мужьями". "Но ведь одни мы и рожаем мужей", – отвечала царица.

XV. Уже все то, о чем мы говорили до сих пор, служило побудительною причиною к браку, – я имею в виду торжественные шествия девушек, их упражнения в борьбе перед глазами молодых людей, которые шли сюда не с "геометрическими", а с "любовными" целями, выражаясь языком Платона, но холостяки подвергались, кроме того, некоторого рода позору. Они не имели права присутствовать при празднике гимнапедий. Зимой они по приказу властей обходили нагими городской рынок и, обходя его, пели сочиненную на счет их песню, где говорилось, что они наказаны совершенно справедливо за свое неповиновение законам. Наконец, им не оказывали уважения и услуг, которые молодые люди оказывали старшим. Вот почему никто не отнесся с поиранием к тем словам, которые были сказаны Деркелиду, хотя он был знаменитым полководцем. Один молодой человек, не встав при его входе, сказал: "У тебя нет сына, который мог бы впоследствии встать передо мною!.."

Невест похищали, но не таких, которые были еще малы или слишком молоды для брачной жизни, а вполне зрелых и развившихся. Похищенная отдавалась на руки подруги невесты.

Внесши в отношения супругов скромность и порядок, Ликург изгнал такими же решительными мерами и глупую женскую ревность.

Обычаи, находившиеся в полном соответствии требований природы с требованиями государственной жизни, имели тогда так мало общего с тою легкостью, которую мы встречаем позже в поведении спартанцев, что случаи прелюбодеяния никогда не встречались у них. Известен ответ спартанца Герата, имевший место очень давно. Иностранец спросил его, как они наказывают за прелюбодеяние.

– Друг мой, – отвечал спартанец, – прелюбодеяние неизвестно у нас.

– Ну а если кто-нибудь окажется виновным в нем? – продолжал спрашивать тот.

– Он должен дать в виде штрафа огромного быка, который мог бы протянуть шею с вершины Тайгета, чтобы напиться воды в Эвроте, – отвечал Герат.

– Да разве бывают такие огромные быки? – спросил удивленный иностранец.

– А разве можно найти в Спарте прелюбодея? – со смехом отвечал ему Герат.

Вот что известно о спартанских браках.

XVI. Воспитание ребенка не зависело от воли отца, – он приносил его в "лесху", место, где сидели старшие члены филы, которые осматривали ребенка. Если он оказывался крепким и здоровым, его отдавали кормить отцу, выделив ему при этом один из девяти земельных участков, но слабых и уродливых детей кидали в "апотеты", пропасть возле Тайгета. В их глазах жизнь новорожденного была так же бесполезна ему самому, как и государству, если он был слаб, хил телом при самом рождении, вследствие чего женщины для испытания здоровья новорожденного мыли его не в воде, а в вине, – говорят, эпилептики и вообще болезненные дети от крепкого вина погибают, здоровые же становятся от него еще более крепкими и сильными. Кормилицы ходили за ними очень внимательно и прекрасно знали свое дело. Они не пеленали детей, давали полную свободу их членам и всему вообще телу, приучали их не есть много, не быть разборчивыми в пище, не бояться в темноте или не пугаться, оставшись одни, не капризничать и не плакать. На этом основании даже иностранцы выписывали для своих детей спартанских кормилиц. Говорят, кормилица афинянина Алкивиада была спартанка Амикла. Впоследствии Перикл, по словам Платона, дал ему в воспитатели раба Зопира, который ни в чем не отличался от других рабов, тогда как воспитание спартанских детей Ликург не поручал ни купленным, ни нанятым за деньги воспитателям. Точно так же он не позволял отцам давать сыну такое воспитание, какое они считали нужным. Все дети, которым только исполнилось семь лет, собирались вместе и делились на отряды, "агелы". Они жили и ели вместе и приучались играть и проводить время друг с другом. Начальником "агелы" становился тот, кто оказывался понятливее других и более смелым в гимнастических упражнениях. Остальным следовало брать с него пример, исполнять его приказания и беспрекословно подвергаться от него наказанию, так что школа эта была школой послушания.

Старики смотрели за играми детей и нередко нарочно доводили до драки, ссорили их, причем прекрасно узнавали характер каждого – храбр ли он и не победит ли с поля битвы. Чтению и письму они учились, но по необходимости, остальное же их воспитание преследовало одну цель: беспрекословное послушание, выносливость и науку побеждать. С летами их воспитание становилось суровее: им наголо стригли волосы, приучали ходить босыми и играть вместе, обыкновенно без одежды. На тринадцатом году они снимали с себя хитон и получали на год по одному плащу. Их кожа была загорелой и грубой. Они не брали теплых ванн и никогда не умачались; только несколько дней в году позволялась им эта роскошь. Спали они вместе по "илам", отделениям и "агелам" на постелях, сделанных из тростника, который собирали на берегах Эвроты, причем рвали его руками, без помощи ножа. Зимой клалась под низ подстилка из "ежовой ноги". Это растение примешивалось и в постели, так как считалось согревающим.

XVII. В этом возрасте начинают являться у наиболее достойных юношей так называемые "поклонники". Старики обращали на них больше внимания, чаще ходили в их школы для гимнастических упражнений, смотрели, если они дрались или смеялись один над другим, причем делали это не мимоходом, – все они считали себя отцами, учителями и наставниками молодых людей, так что провинившийся молодой человек не мог нигде ни на минуту укрыться от выговора или наказания. Кроме того, к ним приставлялся еще другой воспитатель, "педоном", из числа лучших, достойнейших граждан, сами же они выбирали из каждой агелы всегда самого умного и смелого в так называемые "ирены". "Иренами" назывались те, кто уже более года вышел из детского возраста. "Меллиренами", т. е. будущими "иренами", называли самых старших из мальчиков. Двадцатилетний ирен начальствовал своими подчиненными в примерных сражениях и распоряжался приготовлениями к обеду. Взрослым они приказывали собирать дрова, маленьким – овощи. Все, что они ни приносили, было ворованным. Одни отправлялись для этого в сады, другие прокрадывались в сисситии, стараясь выказать вполне свою хитрость и осторожность. Попадавшегося без пощады били плетью как плохого, неловкого вора. Если представлялся случай, они крали и кушанья, причем учились нападать на спавших и на плохих сторожей. Кого ловили в воровстве, того били и заставляли голодать: пища спартанцев была очень скудная, для того чтобы заставить их собственными силами бороться с лишениями и сделать из них людей смелых и хитрых. Из-за этого им главным образом и давали мало есть. Но, кроме того, им желали дать высокий рост: когда жизненный дух не находится долго на одном месте и в бездействии, большое количество пищи давит его и заставляет уходить в глубину и ширину; если же, наоборот, он благодаря своей легкости может уйти вверх, тело растет свободно, без принуждения. Этим можно, кажется, объяснить и красоту: тело тонкое и худощавое скорее уступает росту, между тем как толстое, упитанное оказывает ему сопротивление своею тяжестью. Потому-то, без сомнения,

дети, родившиеся от матерей, принимавших во время беременности слабительное, бывают худощавы, но красивы и стройны. Жизненная материя может в данном случае по своей легкости быть скорей победена творящею силой. Исследовать это явление ближе я предоставляю другим.

XVIII. Дети старались как можно тщательнее скрыть свое воровство. Так, один из них, рассказывают, украл лисенка и спрятал его у себя под плащом. Зверь распорол ему когтями и зубами живот; но, не желая выдать себя, мальчик крепился, пока не умер на месте. Судя по нынешним молодым спартанцам, в этом нет ничего невероятного: на моих глазах многие из них умирали во время бичевания на алтаре Артемиды-Ортии.

После обеда ирен, не выходя из-за стола, приказывал одному из детей петь, другому задавал какой-нибудь вопрос, на который ответить можно было не сразу, например: какой человек самый лучший? Или: что следует думать о том или другом поступке? Таким образом, их с малых лет приучали отличать хорошее от дурного и судить о поведении граждан, потому что тот, кто терялся при вопросах "Кто хороший гражданин?" или "Кто не заслуживает уважения?", считался умственно неразвитым и неспособным совершенствоваться нравственно. В ответе должна была заключаться и причина, и доказательство, но в краткой, сжатой форме. У отвечавшего невнимательно ирен кусал в наказание большой палец. Ирен часто наказывал детей в присутствии стариков и властей, чтобы они могли видеть, за дело ли и правильно ли он наказывает их. Во время наказания ему не мешали; но, когда дети расходились, с него взыскивали, если он наказал строже, чем следовало, или если, напротив, поступил чересчур мягко и снисходительно.

"Поклонники" делили с их любимцами и честь, и стыд. Когда один мальчик закричал во время борьбы от страха, начальники наложили штраф на его "поклонника".

XIX. Детей приучали, кроме того, выражаться колко, но в изящной форме и в немногих словах – многое. Ликург, как сказано выше, дал железной монете при ее огромном весе незначительную ценность; совершенно иначе поступил он с "монетой слов", – он хотел, чтобы немного простых слов заключали в себе много глубокого смысла. Заставляя детей подолгу молчать, он приучал их давать меткие, глубокомысленные ответы; не знающая меры болтливость делает разговор пустым и глупым. Когда один афинянин стал смеяться над короткими спартанскими мечами и говорил, что фокусники легко проглатывают их на представлениях в театре, царь Агид сказал: "Это, однако, не мешает нам нашими короткими мечами доставать неприятелей". Мне кажется, и спартанская речь, несмотря на свою краткость, прекрасно достигает своей цели, если она производит глубокое впечатление на слушателей.

Лично Ликург, без сомнения, выражался кратко отрывочно, судя по некоторым сохранившимся его фразам. Сюда, например, принадлежит его известное выражение относительно одной из форм правления. Когда кто-то стал требовать, чтобы он

ввел в государстве демократию, он сказал: "Введи сперва демократию у себя в доме". На другой вопрос, зачем он приказал приносить такие маленькие и бедные жертвы, он отвечал: "Затем, чтобы мы никогда не переставали чтить богов". Относительно состязаний в борьбе он заметил, что позволил лишь такие состязания, где его сограждане не должны поднимать рук. Рассказывают и о письменных его ответах подобного рода, данных им согражданам. Они спросили его: "Как можем мы не испытывать вторжений неприятелей?" Он отвечал: "Оставьте бедными и не желайте быть ни в чем больше соседа". В другой раз он выразился о стенах города таким образом: "Если город окружен людьми, не кирпичами, у него есть стены!" Нелегко отвергнуть подлинность этих и других его письменных ответов подобного характера, но нелегко и признать их подлинность. Что спартанцы ненавидели длинные речи, видно из их афоризмов. Когда, например, кто-то говорил довольно умно, но некстати, царь Леонид сказал ему: "Друг мой, ты говоришь дело, но не по делу". У племянника Ликурга, Харилая, спросили, отчего он издал так мало законов. "Оттого, – отвечал он, – что кто мало говорит, тому не нужно много законов". Когда некоторые порицали философа Гекеatea за то, что он за званым столом не сказал ни слова, Архидам заметил: "Кто умеет говорить, умеет и выбирать для этого время". Для доказательства того, что те колкости, о которых я говорил выше, имели в себе нечто изящное, приведу несколько примеров. Один негодяй надоел Демарату своими глупыми вопросами. Он то и дело спрашивал у него, кто лучше всех из спартанцев, и получил в ответ: "Кто всего менее похож на тебя". Некоторые восторгались беспристрастностью, справедливостью приговоров элидцев во время Олимпийских игр. "Что ж удивительного, если элидцы один день в четыре года умеют быть справедливыми", – сказал Агид. Один чужеземец, желая доказать Теопомпу свое расположение, сказал, что его сограждане зовут не иначе как "другом спартанцев", и получил в ответ: "Лучше было бы для тебя, мой милый, если бы тебя звали другом своих сограждан". Один афинский ритор назвал спартанцев "неучами". – "Совершенно верно, – отвечал ему сын Павсания, Плистоанакт, – одни только мы из греков не научились от вас ничему дурному". У Архидама спросили, сколько всего спартанцев. Он ответил: "Достаточно, друг мой, чтобы прогнать трусов". Из самих острот спартанцев можно составить себе представление о тех правилах, которых они держались. Они приучались никогда не раскрывать рта без нужды и говорили только то, что заключало в себе мысль, заслуживающую внимания. Одного спартанца приглашали идти послушать человека, подражавшего соловьиному пенью. "Я слышал самого соловья", – отвечал он. Другой, прочитав следующую эпитафию:

Те, кто пожар тирании тушить попытались,
погибли;

Медный Арес их настиг у селинунтских ворот, –

сказал: "За дело они и погибли – им следовало дать тирании сгореть дотла". Одному молодому

спартанцу обещали подарить петухов, которые дрались, пока не умирали на месте. "Нет, – сказал он, – ты дай мне таких, которые убивают других в бою". Таковы были их краткие, отрывочные ответы, и верно выразился тот, кто сказал, что быть спартанцем – значит заниматься скорей философией, нежели гимнастикой.

XXI. На хоровое пение обращалось столько же внимания, как и на точность и ясность речи. В самих спартанских песнях было что-то воспламенявшее мужество, возбуждавшее порыв к действию и призывавшее на подвиги. Слова их были просты, безыскусственны, но содержание серьезно и поучительно. То были большею частью хвалебные песни, прославлявшие павших за Спарту или порицавшие трусов, которые живут теперь "жалкими, несчастными". Некоторые из них призывали к смелым деяниям, другие хвалились прошлыми – смотря по возрасту детей. Нахожу не лишним привести для примера одну из таких песен. В праздник были три хора разных возрастов. Хор стариков начинал и пел:

Когда-то были мы могучи и сильны.

Им отвечал хор мужчин средних лет:

А мы сильны теперь – коль хочешь,
испытай!

Третий хор, детский, пел:

Но скоро станем мы еще сильнее вас.

Вообще, если заняться внимательней спартанскими песнями, из которых некоторые сохранились еще до сих пор, затем вспомнить, что спартанцы шли на неприятеля под звуки флейт, мерным шагом, нельзя не согласиться с Терпандром и Пиндаром, которые видят тесную связь между храбростью спартанцев и музыкой в их войсках. Первый говорит о Спарте:

Юность здесь пышно цветет,

царит здесь звонкая Муза,

Правда повсюду живет...

Второй:

Там старейшин советы;

Копья юных мужей в славный вступают бой,

Там хороводы ведут Муза и Красота

Оба они рисуют нам спартанцев столько же воинственным, сколько любившим музыку народом. Спартанский поэт говорит:

Кифары звук мечу не станет уступать.

Точно так же перед сражением царь приносил жертву музам, для того, вероятно, чтобы воины вспомнили, чему их учили, и о том, какой приговор ждет их со стороны составителей песен, чтобы они ни на минуту не забывали об этом, встретясь лицом к лицу с опасностью, и показали в битве подвиги, достойные прославления.

XXII. В это время воспитание молодых людей становилось уже не таким строгим – им позволяли ходить за своими волосами, украшать оружие и платье. Радовались, когда они, как кони, горделиво выступали и рвались в битву. За волосами они начинали ходить тотчас же по вступлении их в юношеский возраст, но в особенности убирали они их в минуту опасности. Они мазали их маслом и заботливо расчесывали, помня выражение Ликурга, что "волосы красивых делают красивее, безобразных – еще

безобразнее". В походах гимнастические упражнения молодежи были не так трудны, да и жизнь ее в остальном была не так строга: с них спрашивали меньше отчету, поэтому они были единственным народом, для которого поход мог считаться отдыхом после военных упражнений.

Когда войско выстраивалось в боевом порядке в виду неприятеля, царь приносил в жертву козу и приказывал всем солдатам надевать венки, флейтистам же – играть "песнь в честь Костра". Сам он начинал военную песню, под которую шли спартанцы. Величественное и в то же время грозное зрелище представляла эта линия людей, шедших в такт под звуки флейт. Их ряды были сомкнуты; ничье сердце не билось от страха; они шли навстречу опасности под звуки песен, спокойно и весело. Ни страх, ни чрезмерная горячность не могли, конечно, иметь места при таком настроении; они были спокойны, но вместе с тем воодушевлены надеждой и мужеством, веря в помощь божества. Царь шел на неприятеля в окружении воинов – победителей на играх.

Говорят, одному спартанцу предлагали на Олимпийских играх большую сумму с условием, чтобы он уступил честь победы. Он не принял ее и после трудной борьбы повалил своего соперника. "Что пользы тебе, спартанец, в твоей победе?" – спросили его. "В сражении я пойду с царем впереди войска", – отвечал он, улыбаясь.

Одержав победу и обратив неприятеля в бегство, спартанцы преследовали его только на таком расстоянии, чтобы укрепить за собой победу бегством неприятелей, и затем немедленно возвращались. По их мнению, было низко, недостойно грека – рубить и убивать разбитых и отступающих. Их обычай был не только благороден и великодушен, но и полезен, так как их враги, зная, что они убивают только сопротивляющихся и щадят сдающихся, считали выгоднее бежать, нежели оказывать сопротивление.

XXIII. Софист Гиппий рассказывает, что сам Ликург был очень воинствен и принимал участие во многих походах. Филостефан приписывает даже Ликургу деление конницы на "уламы". Согласно его делению, "улам" состоял из пятидесяти всадников, подстроенных четырехугольником. Напротив, Деметрий Фалерский думает, что Ликург не вел никаких войн и вводил свои преобразования во время мира. Действительно, мысль установить перемирие на все время Олимпийских игр может прийти на ум человеку только мягкому и миролюбивому. Тем не менее, говорят, по словам Гермиппа, Ликург сначала не сближался с Ифитом, не принимал участия в его планах. Но, когда однажды он приехал случайно в Олимпию и вздумал взглянуть на игры, он услышал за спиной чей-то голос, как будто человеческий, голос, который упрекал его, удивляясь, что он не позволяет своим согражданам принимать участие в празднестве. Он обернулся, но не увидел говорящего. Тогда он счел это знаком свыше и немедленно сошелся с Ифитом. Общими силами они придали празднеству более торжественный характер и сделали более прочным его существование.

XXIV. Воспитание продолжалось до зрелого возраста. Никто не имел права жить так, как он хотел, напротив, город походил на лагерь, где был установлен строго определенный образ жизни и занятия, которые имели в виду лишь благо всех. Вообще спартанцы считали себя принадлежащими не себе лично, но отечеству.

Если им не давалось других приказаний, они смотрели за детьми, учили их чему-либо полезному, или же сами учились от стариков. Одно из предоставленных Ликургом своим согражданам преимуществ, которым можно было завидовать, состояло в том, что у них было много свободного времени, – заниматься ремеслами им было строго запрещено, копить же богатство, что сопряжено с массой труда и забот, им не было никакой надобности: богатству уже никто не завидовал и не обращал на него внимания. Землю обрабатывали им илоты, платившие определенный оброк. Один спартанец приехал в Афины как раз во время суда. Узнав, что кого-то осудили за праздность, и заметив, что он идет повесить голову в сопровождении печальных, грустных друзей, спартанец попросил окружающих показать ему человека, осужденного "за любовь к свободе!". Так глубоко презирали спартанцы занятия ремеслом или имевшие целью наживу.

Вместе с деньгами исчезли в Спарте, конечно, и всякие тягбы. Ни корысти, ни бедности там не стало больше места, вместо них явилось равное распределение достатка, простота же жизни имела своим следствием беззаботность. Танцы, пиры, обеды, охота, гимнастика, разговоры в народных собраниях поглощали все их время, когда они не были в походе.

XXV. Кому не было еще тридцати лет, те вовсе не ходили на рынок. Вместо них провизию закупали их родственники и ближайшие друзья. С другой стороны, и старшим было бы стыдно, если бы они занимались исключительно этим делом, – большую часть дня им следовало проводить в гимназиях и "лесгах". Здесь они сбились для мирной беседы друг с другом. Ни о денежных, ни о торговых делах там никогда не шло речи, – главным предметом их разговора была похвала хорошему поступку и порицание – дурному; но и это было облечено в шутиливую, веселую форму и, не оскорбляя никого, служило к исправлению других и наставляло их. И сам Ликург не был воплощеною суровостью, напротив, если верить Сосибии, он посвятил известную статуэтку богу Смеха – он желал, чтобы во время обеда и подобного рода времяпрепровождения допускались шутки, как приправа к трудам и скудной пище. Вообще он приучал сограждан не желать и не уметь жить отдельно от других, напротив, они должны были, как пчелы, жить всегда вместе, сбираться вокруг своего главы и вполне принадлежать отечеству, совершенно забывая о себе в минуты восторга и любви к славе. Такие мысли видны и в некоторых изречениях спартанцев.

Педарит не был избран в число трехсот человек царского конвоя, но пошел домой с сияющим лицом – он радовался, что "нашлось триста граждан лучше его...". Полистратид был отправлен вместе с другими в звании посла к полководцам царя персид-

ского. Когда его товарищей спросили, явились ли они лично от себя или их прислало государство, он ответил: "Если наше поручение будет удачно – от имени государства, нет – по частному делу". Когда несколько участвовавших в сражении амфипольцев приехали в Спарту и посетили Аргилеониду, мать Брасида, она спросила их, пал ли Брасид смертью храбрых, достойною Спарты? Они стали осыпать героя похвалами и сказали, что в Спарте нет ему подобного. "Друзья мои, – сказала она, – не говорите этого: Брасид был мужествен, храбр; но в Спарте есть много людей лучше его"...

XXVI. Членами герусии Ликург, как мы сказали выше, назначил сперва тех, кто принимал участие в его предприятии. Позже он сделал распоряжение, чтобы в случае смерти одного из них на его место избирался какой-либо из уважаемых граждан более шестидесяти лет от роду. В этом случае начиналось величайшее состязание в мире, состязание, где каждый бился до последних сил. Дело шло не о том, чтобы быть объявленным самым быстрым на бегу из быстрых, самым сильным из сильных, а лучшим и умнейшим между лучшими и умнейшими людьми. За свое нравственное превосходство победитель получал пожизненно в награду высшую, если можно выразиться, власть в государстве, делался господином над жизнью и смертью, честью и бесчестьем, короче, надо всем, что стояло на первом плане. Выборы происходили следующим образом. Когда народ успевал собраться, выборные запирались в одной комнате соседнего дома, где не могли никого видеть, так же, как никому нельзя было видеть их. До них могли доноситься только крики собравшегося народа: как в этом случае, так и в других он решал избрание криком. Избираемые выходили не все сразу, но поодиночке, по жребию и шли молча чрез все собрание. У тех, кто сидел запершись в комнате, были в руках дощечки для письма, на которых они отмечали только силу крика, не зная, к кому он относится. Они должны были записать лишь, как сильно кричали тому, кого выводили первым, вторым, третьим и т. д. Того, кому кричали чаще и сильнее, объявляли избранным. С венком на голове он шел в храм в толпе не только не завидовавшей ему и прославлявшей его молодежи, но и среди множества женщин, которые хвалили его в песнях и называли жизнь его счастливой. Каждый из родственников приглашал его к обеду, говоря, что это – почетное угощение ему от имени города.

Затем он шел в сисситии, где ничто не нарушало своего обычного порядка. Единственное отступление состояло в том, что ему выдавалась вторая доля, которую он брал и прятал. Когда обед кончался, он подзывал к себе любимую свою родственницу, стоявшую у дверей столовой, и отдавал ей свою порцию, говоря при этом, что дает ей то, что сам получил в награду, причём женщину, которой было оказано такого рода отличие, друзья провожали домой.

XXVII. Прекрасными во всех отношениях были и законы Ликурга относительно погребения покойников. Чтобы с корнем уничтожить суеверие, он прежде всего не запрещал хоронить умерших в черте города и ставить им памятники вблизи храмов,

– он желал, чтобы молодежь с малых лет имела у себя перед глазами подобного рода картины, привыкала к ним; чтобы она не боялась смерти, не находила в ней ничего страшного, не считала бы себя оскорбленной, прикоснувшись к трупу или перешагнув через могилу; во-вторых, приказал ничего не класть в могилу вместе с покойником. Его обвивали в красный плащ и клали на листья маслины. Не было затем позволено надписывать на могиле имя усопшего, если только он не был павшим в битве воином или если умершая не была жрицей. Траур продолжался всего одиннадцать дней. На двенадцатый день следовало принести жертву Деметре и перестать плакать. У Ликурга ничто не было бесцельным, ничего не делалось без нужды – все его важнейшие распоряжения имели целью хвалить доброе и порицать дурное. Он наполнил город множеством образцов для подражания. С ними постоянно приходилось сталкиваться, вместе с ними росли, вследствие чего для каждого они служили путем и примером к достижению добродетели.

На этом основании Ликург не позволил уезжать из дому и путешествовать без определенной цели, перенимая чужие нравы и подражая образу жизни, лишенному порядка, и государственному устройству, не имеющему стройной системы. Мало того, он даже выселял иностранцев, если они приезжали в Спарту без всякой цели или жили в ней тайно, но не потому, как думает Фукидид, что боялся, как бы они не ввели у себя дома его государственного устройства или не научились чему-либо полезному, ведущему к нравственному совершенству, а просто потому, чтобы не сделались учителями порока. С новыми лицами входят, естественно, и новые речи, с новыми речами являются новые понятия, вследствие чего на сцену выступает, конечно, множество желаний и стремлений, не имеющих ничего общего с установившимся порядком правления. Поэтому Ликург считал нужным строже беречь родной город от внесения в него дурных нравов, нежели от занесения в него заразы извне.

XXVIII. Во всем, о чем мы до сих пор говорили, мы не видим ни одного следа несправедливости или себялюбия, – того, за что некоторые порицают законы Ликурга, находя, что они способны воспитать людей храбрых, но несправедливых. Одна только "криптия" – если она действительно учреждена Ликургом, как говорит Аристотель, – могла дать повод, между прочим, Платону отозваться дурно как о государственном устройстве Ликурга, так и о его личности. Криптия состояла в следующем. Время от времени спартанское правительство посылало нескольких молодых людей, выдававшихся своими умственными способностями, за город без всякой цели. С ними не было ничего, кроме короткого меча и необходимых съестных припасов. Днем они скрывались, рассеявшись по тайным местам, и спали, ночью – выходили на дорогу и убивали попадавшихся им в руки илотов. Часто они бегали по полям и умерщвляли самых сильных и здоровых из них,

Фукидид, например, в своей "Истории Peloponnesской войны" рассказывает, что спартанцы выбрали самых храбрых из илотов, надели им на го-

лову венки, как бы желая отпустить их на волю, и стали водить из храма в храм. Вскоре все они, более двух тысяч, исчезли бесследно. Никто ни тогда, ни после не мог рассказать подробностей их смерти. Аристотель говорит даже, что и эфоры при вступлении своем в должность объявляют илотам войну, чтобы иметь возможность убивать их, не делаясь преступниками. Спартанцы обращались с ними всегда сурово и жестоко. Между прочим, они заставляли их напиваться допьяна чистым вином и затем приводили к сисситах, чтобы показать молодежи, до чего может довести пьянство. Далее им приказывали петь неприличные песни и исполнять непристойные, безнравственные танцы, запрещая в то же время приличные. Вот почему, когда илотам, взятым в плен, спустя много лет, во время похода на Спарту фиванцев, приказали, говорят, петь песни Терпандра, Алкмана и спартанца Спендонта, они просили освободить их от этого, "так как этого не велят им их господа". Тот, кто говорит, что в Спарте свободные пользуются высшей мерой свободы, а рабы – рабы в полном смысле этого слова, хорошо понимает разницу между ними. Но, мне кажется, такими бесчеловечными спартанцы сделались после, тогда в особенности, когда у них произошло страшное землетрясение, во время которого илоты восстали, говорят, вместе с мессенцами, вконец разорили страну и довели государство до края гибели. Я по крайней мере не решаюсь приписать установление такого ужасного обычая, как криптия, Ликургу, принимая во внимание мягкость его характера и его справедливость во всем – качества, засвидетельствованные самим оракулом.

XXIX. Когда важнейшие из его законов успели войти в жизнь его сограждан, когда государство сделалось достаточно крепким и сильным, чтобы нести себя и самому стоять на ногах, Ликург, подобно богу, который, по словам Платона, обрадовался при виде первых движений созданного им мира, был восхищен, очарован красотой и величием созданных им законов, законов, ставших действительностью, вошедших в жизнь, и захотел, насколько может ум человека, сделать их бессмертными, незывлемыми в будущем. Итак, он созвал всех граждан на Народное собрание и сказал, что данное им государственное устройство во всех отношениях приведено в порядок и может служить к счастью и славе их города, но что самое важное, самое главное он может открыть им тогда, когда спросит оракул. Они должны были хранить данные им законы, ничего не изменяя, строго держать их до его возвращения из Дельф. После своего приезда он обещал устроить все согласно воле оракула. Все согласились и просили его ехать. Тогда, взяв клятву с царей и старейшин, затем со всех граждан в том, что они будут твердо держаться существующего правления, пока он не вернется из Дельф, Ликург уехал в Дельфы. Войдя в храм и принеся богу жертву, он спросил его, хороши ли его законы и в достаточной ли мере служат к счастью и нравственному совершенствованию его сограждан. Оракул отвечал, что его законы прекрасны и что с его стороны государство его будет находиться на вершине славы, пока останется верным данному им государственно-

му устройству. Он записал этот оракул и послал его в Спарту, сам же принес богу вторичную жертву, простился со своими друзьями и сыном и решил добровольно умереть, чтобы не освобождать своих сограждан от данной ими клятвы. Он был в таких годах, когда можно еще жить, но так же хорошо и умереть тем, кто не прочь от этого, в особенности ему, чьи все желания были исполнены. Он уморил себя голодом в том убеждении, что и смерть общественного деятеля должна быть полезна государству и что самый конец его жизни должен быть не случайностью, а своего рода нравственным подвигом, что он совершил прекраснейшее дело, что кончина его будет достойным завершением его счастья и что смерть его будет стражем всего того высокого и прекрасного, которое он приобрел для сограждан своей жизнью, так как они поклялись держаться установленного им правления вплоть до его возвращения. Он не обманулся в своих надеждах. В продолжение пяти веков, пока Спарта оставалась верна законам Ликурга, она по своему строю и славе была первым государством в Греции. Из четырнадцати царей, от Ликурга до Агида, сына Архидама, ни один не сделал в них никаких перемен. Учреждение должности эфоров не только не ослабило государства, а, напротив, послужило к его усилению. Казалось, эфорат был учрежден в интересах народа, на самом же деле он послужил к усилению влияния аристократии.

XXX. В царствование Агида проникли в Спарту в первый раз деньги, вместе же с деньгами вернулись в государство корыстолюбие и жажда богатства. Виною тому был Лисандр, который, не любя денег лично, сделал своих сограждан корыстолюбивыми и познакомил с роскошью. Он привез домой золото и серебро и нанес смертельный удар законам Ликурга. Но пока они оставались по-прежнему в силе, можно было сказать, что Спарта жила жизнью не государства, а жизнью опытного и мудрого мужа или, верней, с одной палкой-скиталой и плащом предписывала законы охотно подчинившейся ей Греции, как Геракл, по представлению поэтов, с львиною шкурой и дубиной обходил весь мир. Как он наказывал беззаконных и кровожадных тиранов, так и она низвергала в государствах неправильно поставленные власти и царей, была посредницей в войнах, усмирляла возмущения и в большинстве случаев не выставляя в поле ни одного солдата, а отправляя лишь посла, приказания которого все слушались немедленно, как слетаются и приводят все в порядок пчелы при появлении матки. Вот как полезно было государству его тогдашнее благоустройство и правила справедливости, которых оно держалось. Станным кажется мне после этого, что некоторые говорят, будто спартанцы умели повиноваться, но не повелевать, как, с другой стороны, я не понимаю, почему превозносят слова царя Теопомпа, который на чье-то замечание, что "Спарта держится потому, что ее цари умеют управлять", ответил: "Вернее, потому, что ее граждане умеют повиноваться".

Мне кажется, никто не станет охотно подчиняться тому, кто не умеет повелевать, подчинению же учатся у царей, так как кто умеет вести, за тем и идут охотно. Укротить лошадь – значит сделать эту

лошадь смирной и послушной, точно так же задача царя – заставить его подданных повиноваться, спартанцы же сумели не только заставить другие народы повиноваться им, но и внушить им желание подчиняться именно спартанцам, предоставить себя в их распоряжение. Их послы просили у них не флота, не денег, не солдат, а только вождя-спартанца и, получив его, смотрели на него с уважением и страхом, как сицилийцы – на Гилиппа, халкидцы – на Брасида, все малоазиатские греки – на Лисандра, Калликратида и Агесилая. Таких лиц называли "гармостами", т. е. вводящими порядок, и "софронистами", т. е. наставниками всех народов и царей, и видели в Спарте в целом как бы воспитательницу или дающую советы честной жизни и разумного государственного управления. В этом смысле, мне кажется, смеется Стратоник в своем шутовском проекте государственного устройства, советуя афинянам справлять мистерии и устраивать торжественные процессии, элидцам быть судьями на играх, к чему у них есть особенные способности, спартанцам же – пороть обоих, если они в чем-либо провинятся. Это было сказано в шутку; но ученик Сократа, Эсхин, видя, как хвастаются фиванцы своей победой при Левктрах, серьезно заметил, что они ничуть не отличаются от мальчишек, которые задирают нос, что им удалось отколотить своего дядьку...

XXXI. И все же Ликург не стремился главным образом к тому, чтобы поставить свое государство во главе других, напротив, он думал, что жизнь отдельного человека, как и жизнь государства, может быть счастлива только тогда, когда он чист нравственно и в мире с самим собою. Поэтому все его действия и поступки клонились к одной цели – чтобы его сограждане были как можно долее свободны нравственно, довольны собою и благоразумны.

Его государственное устройство взял за основание и написавший свод законов для своего собственного государства Платон, так же, как Диоген, Зенон и вообще все занимавшиеся подобного рода вопросами и заслужившие себе похвалу, хотя они оставили после себя одни буквы и слова. Но Ликург не нуждался ни в буквах, ни в словах, – он произвел на свет действительное и неподражаемое государственное устройство и в то время, как другие считают существование истинного философа чем-то идеальным, сделал из своих сограждан целый город философов. Его слава справедливо превышает славу всех когда-либо существовавших греческих законодателей, вследствие чего и Аристотель заметил, что "Ликурга в Спарте чтят меньше, чем он заслужил", хотя ему и оказывают здесь величайшие почести. Ему построили храм и ежегодно приносили жертву как богу. Говорят, когда его прах был привезен на родину, молния упала на его гроб, чего не случилось впоследствии ни с кем из великих людей, кроме Еврипида, скончавшегося и погребенного близ Аретузы, в Македонии. Это может оправдывать в глазах других – поклонников Еврипида и служить для них доказательством, что одному ему выпало на долю то, что задолго до него случилось с самым любимым богами и святым по жизни человеком...

По рассказам некоторых, Ликург скончался в Кирре; но Аполлотемид говорит, что он умер в Элиде, Тимей и Аристоксен – что он кончил дни свои на Крите. Аристоксен рассказывает также, что критяне показывают его гробницу в пергамском округе, возле большой дороги. Говорят, у него был единственный сын, Антиор. Он не имел детей, и со смертью его угас его род. Друзья и близкие Ликурга заменили ему некоторым образом потомство, образовав кружок, существовавший долгое время. Дни, в которые он собирался, назывались "Ликурговыми днями". По словам Аристократа, сына Гиппарха, когда Ликург умер на Крите, его друзья сожгли его труп и, по его завещанию, бросили пепел в море: он боялся, что его останки перенесут в Спарту, вследствие чего спартанцы сочтут себя свободными от клятвы и сделают перемены в данном им государственном устройстве под предлогом того, что он вернулся на родину...

Вот все, что нам известно о Ликурге.